

Ефим Финк

Не случайные оргазмы

18+

Ефим Финк

Не случайные оргазмы

<https://litres.ru/74370933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Откровенность без ханжества. Без «миссионерской» скуки. Без стыдливых умолчаний и упрощения чувств. На страницах сборника не только про секс, но и про способ заглянуть в себя: узнать, где начинается настоящая свобода.

Рассказы не стремятся шокировать. Они исследуют тонкие грани эротики во всем пугающем, но таком прекрасном многообразии жизненной обнаженности.

Наслаждайтесь с умом.

Ефим Финк

Не случайные оргазмы

Дьявольски наоборот

Она заметила его за три столика до того, как он подошёл.

Такие мужчины всегда заметны — не потому, что красивые, а потому, что они сидят, как пауки в центре паутины. Каждое движение просчитано. Улыбка отрепетирована перед зеркалом. Глаза сканируют зал не для того, чтобы увидеть, а чтобы оценить: эта годится, эта страшная, эта слишком сложная, а эту возьму на десерт.

Рита отпила мартини и почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна — не раздражения, а усталости. Ей было тридцать семь. Она переспала с тремя десятками мужчин, и все они, были такими же, как этот. Красивая обёртка и пустота внутри.

Он подошёл. Представился. Леша.

Ресторанный свет сочился в бокал с мартини, как разбавленная надежда, а её пальцы двигались по ножке бокала медленно — почти интимно, но без намёка на приглашение. Она ласкала стекло так, как он привык ласкать женщин: уверенно, покровительственно, зная, что через минуту это станет его. Но здесь власть принадлежала ей. И она, чёрт возьми, пользовалась ею без пощады..

Леша сидел напротив и в двадцатый раз за вечер ощутил, как его хваленый «охотничий инстинкт» даёт сбой. Обычно он вычислял жертву за три минуты: улыбка, декольте, томный взгляд в пол — и готово, рыбка на крючке. Но Маргарита смотрела не на его бицепсы, а сквозь них — прямо в то место, где у него, по её мнению, должна быть душа. И она явно там что-то искала. Она видела всё это сотню раз. Но сегодня почему-то не захотела просто отшить, как делала обычно.

Вечер пах терпкими духами — как кровь на губах после случайной пощёчины. И каждое её слово отдавалось в нём тяжелее, чем штанга на последнем подходе. «Порнография», «эротика», «чувственность» — она резала эти термины, как хирург скальпелем, а он чувствовал, как его член, привыкший реагировать на любое «да», сейчас стоит в состоянии растерянности: твёрдый, но не агрессивный, словно спрашивает: «А что мне делать с этой, если она не хочет?»

Ответа не было.

За плечами у него была дюжина женщин, которые плакали в подушку, пока он одевался и уходил. Батарей побед, давно превратившаяся в сухую статистику. Но Маргарита просто улыбалась, чуть наклонив голову, как учительница, которая уже знает: сегодня ты не выучил урок. И Леша вдруг остро, до рези в паху, понял: он не знает ни одной из них. И ни одна не знает его.

Он был везде — и нигде одновременно.

— Ты полагаешь, мужской эротики не существует? — щу-
ря лисьи глаза, спросила она. В голосе — яд, но без агрессии. Как у диагноста, который уже знает ответ, но хочет послушать, как пациент сам себе вынесет приговор.

— Эротика изначально женского рода, — выдал он заученную формулу, стараясь, чтобы голос звучал томно, а не панически. — А то, что женское, всегда прекрасно. Порно-

графия — для мужиков. Нормальный мужик не станет любоваться на тело другого мужика.

— Значит, если мужчина любит эротику, он кто? — Рита подалась вперёд, и декольте на мгновение стало ближе, чем он был готов выдержать. — А порнуха для настоящих самцов и не может нравиться женщинам?

Она нанизывала его собственные слова на булавку и крутила перед носом, как трофей. Леша почувствовал, как пот выступил на лбу. Член под столом дёрнулся, но без привычной агрессии — скорее, как испуганный зверёк, который не понимает, опасность это или игра.

— Сама посуди, — выдохнул он, подливая ей вина, чтобы хоть алкоголем вернуть контроль. — Журналов с мужиками в продаже меньше, чем с бабами.

— Мужчины — неразборчивые и легко возбудимые потребители, — отрезала она. — Вот ты, к примеру, прекрасный образчик эротических грёз. Фактура хорошая. А содержание — говёное.

Сегодня она захотела заглянуть внутрь. И она заглянула.

В его глаза, в его жесты, в его паузы. Без привычной насмешки. И увидела там не зло, не похоть — страх. Маленький, забитый мальчик, который боится, что его отвергнут. И поэтому нападает первым.

«Боже, — подумала она, — ты даже не знаешь, кто ты без своих бицепсов».

Она позволила ему говорить, позволила заказать вино, позволила думать, что он её соблазняет. Она тоже устала быть вещью. Быть целью. Быть дыркой, которую нужно заполнить, а потом забыть.

— Что?! — взвился Леша, и кровь бросилась в лицо, в уши, в пах — везде, где он привык быть победителем.

— Дело в разнице между эротикой и порнографией, — спокойно пояснила Рита, как ребёнку. — Порнография — это животное удовлетворение биологической потребности. О тебе можно мечтать как о прекрасном образе — это эротика. А порнуха — в том, что в постели ты окажешься отъ-

явленным мудаком.

Он дернулся всем корпусом. Кулаки сжались под столом. Мысль ударить её по этой художественно оформленной хारे пульсировала в висках — врезать, сзади, распластать, сломать. Всё, что он умел. Но Рита сидела и улыбалась, как будто читала его мысли по глазам.

— Ты, — она чуть подала грудь вперёд, обнажая ключицы, — симпатичен, но с ног до головы порнографичен. Ты когда-нибудь задумывался о настоящей разнице? Чувственностью и трахом?

— Ах ты... — Леша открыл рот, чтобы заорать, но она перебила — резко, будто отсекала:

— Женщина для тебя объект для секса. Но не субъект сенсорной вовлечённости.

Он подскочил. Но резкая боль в гениталиях — от подступившей, нерастраченной ярости — приковала к месту.

— Ссуука! — выдавил он, хрипя.

— Хочешь на деле понять разницу или продолжишь сношать мозг в кулачок? — ухмыльнулась она.

— А-ха! Научишь правильно трахаться? Да я тебя так отделаю, что месяц ноги не сдвинешь!

— Самонадеян, мистер большой фаллос.

— Да кто ты вообще такая?!

Рита откинулась на спинку стула. Взяла бокал, глотнула, не торопясь. Её глаза, зелёные, с искринкой усталого знания, на мгновение потеплели. Как у врача, который знает, что пациент безнадежен, но всё равно обязан сказать правду.

— Кто я — не важно. А вот ты... Ты готов узнать, кто ты?

Он замер. Член в джинсах, который обычно стоял при любом намёке на секс, сейчас съёжился, как от холода. Леша впервые за много лет не знал, что ответить.

Рита допила вино, поставила бокал на стол, оставив на стекле влажный след — отпечаток её губ. Потом встала, задела его плечом, проходя мимо, и прошептала на ухо:

— Позвони, когда устанешь быть хищником. Может, тогда у тебя получится стать человеком.

Он схватил её за запястье. Пальцы горячие, влажные.

— Я тебя ещё не отпустил, — прошипел он.

Она посмотрела на его руку, потом ему в глаза. И сказала тихо, почти ласково:

— Ты никогда не умел отпускать. Ты умеешь только хватать. И поэтому ты всегда будешь один.

Она ушла. Хлопнула дверь ресторана. А он остался сидеть, сжимая салфетку в кулаке, и чувствовал, как что-то внутри него — не член, а что-то глубже — встало впервые в жизни по стойке смирно. И не от похоти. А от чего-то с чем первый раз столкнулся и пока не мог определить. Но не отпускаяло чувство внутреннего яростного возбуждения и желания доказать.

Всю дорогу домой он рвал руль, гоня машину, как будто хотел обогнать свой собственный позор.

Дома он рванул к ноутбуку. Открыл «В Контакте». Нашёл её страницу — белая блузка, осенняя хандра, завлекательная улыбка. И ошалело, захлёбываясь злостью, кончил на монитор, как будто это могло смыть унижение.

— На тебе, захлебнись, гадина! — прошипел он.

Но в душе осталась пустота. Он не мог её забыть. И не мог

её взять. Это было новое ощущение — непохожее на поражение. Хуже. Это было бессилие.

А она ехала домой медленно, пытаясь унять гнев. Но где-то глубоко под ним, она чувствовала странную жалость. Он ведь не виноват, что его вырастили таким. Что мир сказал ему: будь сильным, бери, не чувствуй. И он послушался.

Дома она открыла ноутбук. Нашла его страницу. Листала фотографии — тренажёрный зал, ещё тренажёрный зал, пляж, машина, улыбка на миллион долларов. И ни одной фотографии, где он был бы настоящим. Ни одного кадра, где он не позировал, а просто существовал.

Ты даже не знаешь, кто ты без своей маски.

Она закрыла ноутбук и легла на диван. И вдруг поняла: она хочет ему помочь. Не потому, что он заслужил. А потому, что она устала смотреть на таких, как он. И если она ничего не сделает — они будут множить пустоту.

Он написал ей через два дня:

«Я хочу тебя увидеть. Просто поговорить».

Через час пришёл ответ:

«Ты хочешь не поговорить. Ты хочешь трахнуть. Это одно и то же в твоей голове. Когда поймёшь разницу — напиши».

Леша выругался. Швырнул телефон. Потом поднял. Написал:

«Я не знаю, как понять разницу. Научи меня».

Рита долго смотрела на экран. Пальцы дрожали. Она понимала, что соглашается на опасную игру. Он может сломаться. Или обидеться. Или, что ещё хуже, — не измениться.

Но она набрала: «Завтра в 19:00. Мой адрес. Придёшь один. Без цветов. Без шампанского. Без плана. Если я почувствую, что ты пытаешься мной управлять — дверь закрыта навсегда».

Ответа не было. И она уснула, чувствуя, как сердце стучит быстрее, чем хотелось бы.

Он перечитал три раза. Потом выключил телефон и лёг. Попробовал фантазировать. Но член не стоял. Впервые за много лет он не знал, что будет завтра.

Он пришёл ровно в семь. Без цветов. Без шампанского. С пустыми руками и с тяжёлым сердцем.

Рита открыла сама. Босая. Волосы распущены до плеч. Простое шерстяное платье, без вырезов, без намёков. Она выглядела так, будто ждала не гостя, а старого друга.

— Проходи, — сказала она и посторонилась.

Леша прошёл в гостиную. Всё было просто: диван, кресло, стол, книги на полках. Никаких свечей, никакой романтической музыки. Обычная квартира обычной женщины.

Он сел на диван, сложив руки на коленях, как школьник на экзамене.

— Я не знаю, что говорить, — признался он.

— Не говори, — сказала она, садясь напротив в кресло.
— Посиди. Помолчи. Просто будь здесь.

Они молчали. Минуту. Две. Пять. Леша слышал, как тикают часы на стене, как за окном шумит вечерний город, как она дышит — ровно, спокойно. И вдруг он понял: он не хочет её трахать. Он просто хочет, чтобы она не уходила.

— Можно вопрос? — спросил он.

— Можно.

— Почему ты не боишься меня? Ты же поняла. Я не умею

иначе.

Она наклонила голову, рассматривая его, как картину в музее.

— Я боюсь одного, не увидеть в тебе человека. Красивую пустышку с накаченным телом.

Он открыл рот, чтобы огрызнуться, но не смог. Потому что она была права.

— Ты можешь научить? — спросил он. — Я заплачу. Деньги. Подарки. Всё, что скажешь.

Она засмеялась — тихо, без злости.

— Ты всё ещё думаешь, что это сделка. Нет, Леша. Это не сделка. Это риск. Ты должен дать мне право управлять тобой. Полностью. На один вечер. И если ты выдержишь — может быть, я тебе что-то покажу.

Он сглотнул. В паху сжалось от страха, а не от желания.

— Что я должен сделать?

Она встала. Подошла к нему. Взяла его за руку — легко, невесомо, как будто он был хрустальным.

— Сначала — просто смотреть. Слушать. А потом — делать, что скажу. Без вопросов. Без споров.

— И ты не сделаешь мне больно?

— Я сделаю тебе больно, — сказала она. — Но не так, как ты боишься.

Она включила музыку. Не ту, которую он ожидал — не романтическую, не пошлую. Просто джаз. Медленный, тягучий, как вечерняя река.

— Встань, — сказала она.

Он встал.

— Обними меня.

Он обнял. Сначала робко, боясь сжать сильнее. Она положила руки ему на плечи и начала двигаться. Он пытался вести, как привык, но она не давала.

— Не веди. Просто чувствуй, как я двигаюсь. Следуй за мной.

Леша закрыл глаза. Он чувствовал её дыхание у своего уха, её пальцы на своих плечах, тепло её тела через платье. И ничего больше. Никакой цели. Никакой победы. Просто танец.

— Ты чувствуешь, — сказала она шёпотом. — Хорошо. Теперь запомни это ощущение. Когда ты перестаёшь хотеть — ты начинаешь быть.

Он послушался. Его дыхание сбилось, но он не пытался взять контроль. И Рита поняла: он способен учиться. Если не сломается.

И впервые в жизни ему не хотелось, чтобы танец кончился сексом.

— Садись в кресло, — приказала она.

Он сел. Без вопросов, без споров. Она взяла верёвку — ту, что приготовила заранее, и начала связывать ему запястья. Не больно. Туго, но аккуратно.

— Я ничего не сделаю тебе плохого, — сказала она. — Но ты должен довериться.

— И что будет?

— Ты перестанешь быть охотником.

Она завязала последний узел. Потом подошла к шкафу, достала шарф и завязала ему глаза.

— Что ты делаешь? — голос дрогнул.

— Убираю твой главный инструмент. Ты видишь женщин, чтобы взять их. Сейчас ты будешь видеть, чтобы понять.

Она отошла. Он слышал её шаги — медленные, ритмичные. А потом, затишье. Тягучее. Тревожащая неизвестность и чтобы разрушить ее, он спросил:

— Ты будешь смотреть?

— Да. Но ты не увидишь. Ты услышишь. И, может быть, впервые почувствуешь.

Она села на диван напротив. Сняла платье. Он слышал, как ткань шелестит, падая на пол. Как её дыхание становится глубже.

— Ты... — начал он.

— Молчи, — сказала она. — Слушай.

И она начала. Медленно, тихо — ласкать себя. Он слышал каждое движение: пальцы скользят по коже, дыхание учащается, стон нарастает, как волна. И он не мог видеть. Не мог контролировать. Не мог участвовать.

Он был просто свидетелем. Но впервые в жизни — свидетелем настоящего.

Она не играла. Она была показывала настоящее. И от этого унижение было сладким, терпким и головокружительным, как редкое вино.

— Ты чувствуешь? — спросила она шёпотом.

— Да, — выдохнул он. — Я чувствую.

— Запомни это. Не меня. Свою реакцию. Когда нет картинки — остаётся только правда. Твоя правда.

Она кончила. Почти беззвучно. И в этом отсутствии звука было такое оглушающее присутствие, что он слился с этой пустотой, растворившись в ней. В этой отсутствующей женщине. В ее присутствующей сексуальности. Впервые в жизни он не хотел взять. Он хотел быть. Остаться в единственном правдивом моменте.

Она подошла к нему, сняла повязку, развязала верёвки.

— Теперь ты знаешь, — сказала она.

— Что я знаю?

— Что ты умеешь чувствовать. Ты просто никогда не позволял себе.

Он смотрел на неё. Голую, беззащитную, но бесконечно сильную. И не хотел её трахнуть. Он хотел сказать спасибо. Но не смог, а вместо этого спросил:

— Я приду завтра?

Она улыбнулась — не холодно, не победно. Просто, как человек, который понимает.

— Если научишься молчать.

Она ушла в спальню. Легла, накрылась одеялом и долго смотрела в потолок. Без мыслей, без чувств. Пустое пространство, где зарождалась надежда. То светлое чувство дающее право чувствовать себя живой и...полезной.

Он все еще сидел в гостиной и чего-то ждал. За дверью спальни погас свет. Она не вышла попрощаться. Не позвала его к себе. Просто оставила его наедине с тишиной.

Он встал. Оделся. Выключил свет на кухне. И уже у двери остановился.

— Спасибо, — сказал он в пустоту.

Вышел из подъезда. Осенний дождь хлестнул по лицу, но он вдруг улыбнулся — не победно, не пошло, а просто потому, что внутри стало легко.

Он выключил телефон и пошёл пешком домой.

Завтра он вернётся.

Железнодорожное либидо

Эксперимент — дыхание моей жизни. В нем внезапная откровенность граничит с опасностью, а чувственность обнаженного момента пахнет пылью и металлом. Для мимолетного «ты» в случайном попутчике. Для призрака, которым я

становлюсь между городами.

Перестук колес. Купе – аквариум в желтом свете ночника. И стайкой рыбок, в плавном движении мурмурации во мне течет знакомый ток, с изгибаясь и сливаясь в стуки о рельсах. В ритм. Толчки вглубь себя. В чувственную грань.

Ритм зарождающегося возбуждения. Толчки в себя. В грань дозволенности.

Ты-дых... в тебя...ТЫ... в лязг...Лязг стыков. В случайность...

Мне нравится быть сверху, виртуозно управляясь с пунктом назначения. Я верю в оргазмическое завершение пути – чтобы в конце, только нервная дрожь, чистая и обессиливающая. Я томлюсь этим ожиданием, этим медным привкусом авантюры на языке. Верхняя полка, мой выбор. Виден изгиб чужой шеи, тень от ресниц, тайное движение рук под одеялом, очертания ног.

Я выбираю. Невидимо, кончиками ресниц, уголками губ. Парень внизу – тень с наушниками, уставшая гладкость лица. Он будто отбывает наказание этой поездкой. Мужчина напротив – седина у висков, и большие, спокойные руки. Они медленно раскрывают книгу, но взгляд – тёплый, внимательный скользит по моей босой щиколотке, задерживается на сгибе локтя. Он готов к разговору.

Но сегодня, я – молчание, громче слов. Моя дорога лежит в иную сторону: туда, где можно раствориться в собственной плоти, сжечь карту привычных маршрутов. Где мораль – стык между вагонами человеческих отношений. В сцепку....

Гибко взбираюсь на свою вторую полку. Чувствую, как его взгляд прилипает к оголенному бедру. Тяжелый, как чемодан без колес. Он не прячет его. Хо-ро-шооо...Пусть. Пусть задыхается. Откидываюсь на подушку, и простыня сползает с плеча. Я не поправляю ее. Я – голая под этим грубым байковым одеялом. И от этой мысли, от его пронизывающего взгляда по телу пробегает дрожь возбуждения. Резкая, колючая и влажная.

Поезд качает, задавая темп.

В ритм изощренных мыслей, напрягающих холмики сосков. В висках толчки. Бьется, ища выхода нетерпеливое либидо. Ты...ды-ых-х...х-х на выдохе. Я сжимаю веки, но вижу не темноту, а его лицо. Он не читает. Он наблюдает. Рука лежит на колене, большой палец медленно водит по сукну брюк. Диалог без слов. Приглашение без просьбы.

Отдаться... В ночь. В темноту... В забытие. Время стучит, бьётся в такт колесам. От-дай-ся. От-дай-ся.

Распахиваю глаза. Он стоит в проходе. Взгляд больше не ласкает – он берет, жадно. Приказывает. И я...я повинуюсь. Не потому что он сильнее. А потому, что в этом повиновении – пик моего контроля. Я позволяю. Наслаждайся. Нето-

ропливо расстегиваю бюстгальтер – богатую грудь в предел свободы. Бедра в перестук колес. Ты-дых...дыхание в бегущие блики. В стремительный бег луны за окном.

Кошачьим движением перебрасываюсь к тебе. Он глухо урчит, втягивая запах моих волос, кожи. Желанной победы. Пальцы впиваются в мои бедра, но я отстраняюсь:

- Тихо, - шепчу, - не торопись. Это только начало.

Я веду в этом чувственном танце. Я кладу его на его же полку, заглушая нетерпеливый стон поцелуем. Он пытается перевернуть меня, но я удерживаю позицию, крепко оседаю на его бедра. И выступающий член, через жесткую ткань джинсы. Здесь, в этом колышущемся ящике, я – наездница. Это мое родео.

Закрываю глаза и вижу того парня, внизу. Чувствую его застывший, жадный взгляд из темноты. И от мысли – мы спектакль, нас видят, - волна накатывает с новой извращенной силой. Мое тело выгибается в немом крике, мир сужается до белых вспышек за веками и до судорожных спазмов глубоко внутри.

В упоительный перестук подступающего оргазма. ТЫ...- ДЫХ...в остервенелый всплеск содрогания. Потом – тяжелое дыхание и всепоглощающая пустота.

Утро. Я выхожу первая. Перрон. Холодный воздух и резкий смог. Он следом, кашемировое пальто. Его взгляд выдаст все, но голос ровен:

- Кажется, нам по пути.

Я оборачиваюсь, замедляя шаг. Вижу того парня. Он торопливо проходит мимо, уткнувшись в телефон. Но в украдкой башенном взгляде – смущенный блеск. Знает.

- Конечная, - бросаю и отворачиваюсь.

Заоблачное

Хоть поверьте, хоть проверьте, но невозможно расслабиться в салоне самолета в предполетный момент. Пока люди усаживаются, натужно распахивая багаж по полкам, я отвлекаюсь на рассматривание бесстрашных граждан. Все сосредоточенны, будто ищут свое место в поднебесном мире. Только по салону прокатывается звук защелкивания ремней безопасности, сигнал опасности взрывает нервы. Тревогу усиливают надежно-вежливые стюардессы, настойчиво предлагающие получить удовольствие от полета. Если вам выпало сидеть в зоне «повышенной комфортности», не спешите радоваться, вольно вытягивая ноги. Небесные проводницы мило напомнят об аварийном выходе рядом с вами, учтиво посоветовав прочесть, как откупоривать дверь на случай катастрофы. Душевный комфорт улетучивается совсем, когда начинается демонстрация спасательного инвентаря. Будто желтый жилет уберезет от удара об воду, глоток кислорода из маски не разорвет вены от перегрузки. А поднятая шторка окна оградит от ужаса стремительно приближающейся земли. Ой, граждане, эта показушная защищенность не для слабонервных. На борту я становлюсь уязви-

мо-бдительной до истерии. Внимание, гадски хихикая, подсовывает импульсивным извилинам тысячу и одну возможность смертельного испуга. Пытаясь обмануться, рисую в воображении сексуальные картинки. Один за другим проносятся разнузданные кадры, но ум отказывает в мастурбации. Он вообще против насилия, даже вопреки спасению. У него свои планы на остаток этой жизни и мой эротизм туда не входит. Туда вообще ничего не вмещается, ибо ужас погасил внутренний экран чувственности. Страх стекает к похолодевшему лобку – пересохло даже во рту. Сухо, сухо.., как не изводись выдумкой. Открываю глаза и вижу твои расширенные зрачки, заполнившие стальную радужку. Вот оно, сексуальное бесстрашие и готовность к экспериментам! Самолет катится, набирая скорость. Вибрирует мощным телом в неминуемом предоргазме отрыва, мига растворения в воздушном пространстве. В разгонный провал прощания с землей, ощущаю легкое касание кончиков пальцев руки между своими и дальше, к наверху косточек, где твои руки, играя, будоражат до мурашек. Кровь пылко вскипает в турбинном вое заложенных ушей. Где-то впереди плачет ребенок, ровно, на одной ноте. Я почти не слышу эротическую наглость шепота, но горячее дыхание обжигает ухо, расплавленно стекает по шее, вниз. Вынуждает судорожно вздохнуть, сжимая ноги. Улавливаю, как ты удовлетворенно хмыкаешь. Эффект тебе по душе. Дерзко и непредсказуемо. И я вспыхиваю, воспаляясь желанием. Самолет покрывает

версты, забираясь все выше в перину небесного простора. Кажется, что облака вкрадчивой мягкостью втекают во влагалище, расширяя и наполняя расслабляющей безбрежностью. И острый страх смешивается с кристальностью чистого возбуждения, вскипая ароматной пеной вожделения. Твоя сильная, но, вместе с тем, изящная рука с тонкими пальцами по-хозяйски завладевает моим затылком, ероша и оттягивая волосы. Ласка кидает в воздушную яму томного забытья. Я отдаюсь. И тесней переплетаю ноги, сдавливая пульсирующий клитор, так, чтобы он, омытый влагой, беспрепятственно двигался в такт расслабления и напряжения ягодиц. Бедрa незаметно качаются, но ты-то знаешь... Безошибочно определяешь мою нацеленность на единоличный оргазм. И даже сквозь закрытые глаза вижу, как твои губы кривит ухмылка. Наверное, это обидно, возбудить и не принять участие. Твоя деятельная натура требует вовлеченного погружения в сексуальное пространство. Так, чтобы владеть, ощущая мой резкий обрыв в отдачу, в неважность места и окружения. Ни сосед слева, который притворяется спящим или на самом деле видящим прекрасный сон, ни гремющая по проходу тележка с напитками, не способны выбить нас из сексуальной колеи - по накатанной на взлет... И твоя зеленая куртка, накинутая мне на колени, становится оплотом эротического озорства. Я шаловливо хихикаю, ощущая напористое проникновение руки между ног. И плаваясь в турбинный улет, подчиняюсь твоим ловким пальцам, с кольцом на

большом, нырнувших под гардероб, знающе скольльзящим по стремительно набухающему клитору. Ты не зовешь меня в туалет, где любой не искусленный удалством пассажир способен потешить свое сексуальное эго. Нееет! Ты умудренно внедряешь тайное эксцентричное удовольствие. Так на виду, и так скрыто. В этом публичном эротизме я чую терпкий аромат, взрывающий легкие на выдохе подавленного стога. И прикушенная губа преддверие нарастающего экстаза. Чувственного полета на уровне тысяча двести метров над землей. Хватаюсь за подлокотник кресла, за стальную арматуру иллюзии безопасности. Пытаюсь совладать с необузданностью, ты прижимаешь ладонь к моему разгоряченному естеству, осаженная ягодичный галоп.

- Тише, бесстыжая, тише, - шепчешь. И этот приказ вызывает во мне желание рассмеяться на весь салон - нагло, громко. И я сдавленно всхлипываю, ощущая, как покалывают щеки, наливаясь багрянцем. Переливчатыми пятнами распирающего взрыва. И подавленный смех путается с нервными окончаниями эрогенных зон. Тугой, нарастающий ком - взхлеб.

- С вами все в порядке? Воды? – Режет тонкую нить подступающего оргазма участливый голос стюардессы. Меня пронзает так, будто кожа с макушки головы сползает вместе с выражением лица. На выдохе выдавливаю:

- С-спасибо. Все... в порядке.

Рваное пике упущенного. Кажется - мой зубной скрежет

оглушил салон. Ты хихикаешь: «Ярость тебе к лицу вместе с оргазмом», и продолжаешь. А чуть позже, в чувственном зените, закрываешь глаза. Не надо видеть, чтобы знать.

-...пристегните ремни, - врывается металлический голос, - наш самолет входит в зону турбулентности.

Нас встряхивает, и мы летим в оргазмирующую пропасть. Вместе. Потом – только белый шум в ушах и сердце в красных отголосках. И неестественно гулким звуком слюна, которую я сглатываю.

Случайное попадание

О незнакомце проще всего придумать легенду. Кем он был. Кем мог стать. Кем не стал и, как его не стало – в моей жизни. В твоей – он стал всем. Он прошел стороной, безликий и немой, оставив лишь долгожданную тебя. Выстраданную.

Эпизод.

Всего лишь эпизод между остановками. Он стоил жизни одному из нас. Тогда я еще не знала –кому именно. В той давке, абсурдно, бесповоротно, я решилась.

Толпа в раскаленном чреве автобуса напирала, сдавливала, кряхтела, исходя злобой и потом. Прижатая к стеклянной водительской кабине я ощущала колючий ком в подреберье спутанный с холодным хирургическим спокойствием.

И глухое раздражение карябало горло в немом крике – люди! Все эти люди, корчащиеся в судорогах выживания. Кости, лопатки, локти – всаживались, впивались вдавливались в меня. Уродливая, тесная пластиковая реальность. Потный, жаркий мир, дышащий отчаянием. Послезавтра у меня операция. Гистерэктомия. Опухоль. Мой выбор – жить без боли и... без будущего. Навсегда. Беспросветная толчея – людей, мыслей. Время не течет вспять.

Автобус остановился. У-фф-ф. Проклятый город, тесное время, проклятый билет в один конец. Гвалт. Сутолока. Мат.

И тут чей-то сильный торс припал к моей спине, будто влипая в стену я ощутила пустоту. Вакуумную, готовую взорваться от тишины отстраненность. Ушли даже звуки. Это был выбор. Единственный. Решительный выбор – прыжок в бездну. Отчаяния или спасения? Просто быть. В этом пульсирующем тишиной сейчас. В изнеможении я откинулась на эту стену. Кто там – молодой или старый, красивый или не очень – безразлично. Но его тело было горячим и живым. А мое – холодным складом отрепьев, которые скоро вырежут и выбросят. Его член, нагло упирающийся в меня, был символом всего, от чего я навсегда отрекаюсь. От материнства. Новой жизни.

Мы покачивались в такт ухабам и рытвинам, единый маятник. Кажется, мужчина была невысок – мои ягодички при-

ходились ему по уровню бедер. Удобно. Там он и расположился: привольно, дерзко. Член отважно рос, возбуждая щемящей и уверенной неторопливостью. А внутри меня, где-то в самой сердцевине тяжелело, расширилось всеобъемлющим пространством вибрирующего желания.

Сейчас или никогда.

Я выгнула поясницу, раскрываясь незнакомцу. Он припал к ягодичному разлету затвердевшим вожделением. И... нерешительно замер, будто опасаясь несостоятельности или отказа. Мужчина всегда ждут одобрения, даже ощущая податливость. Ему нужен был легкий толчок. Я отвела руку назад, нащупала сквозь джинсы плотный, напряженный холмик и, не церемонясь, резко дернула молнию. Сзади ошеломленно выдохнули.

Да, мне нужен член. Глубоко. Крепко и плотно охваченный влагалищем, чтобы не упустить потом ни одной излитой в меня капли. Мои пальцы проворно пробежались по органу, быстро знакомясь с длинной, крепостью, формой. Это была не страсть. Это был бунт. Последний, дикий самоубийственный жест моего погибающего естества. «Возьми, - прошептало что-то во мне,- отдай, то что завтра будет уничтожено. Сделай это ради всего, что могло быть». Не для удовольствия. Нет. Для прощания.

Прогнувшись еще глубже, я задрала кончиком его члена край своей юбки. Мужчина выдохнул от неожиданности. Его рука судорожно оттянул в сторону тонкую полоску стрингов, и он властно, одним точным движением, вошел на всю длину. По телу, будто хлористым уколом прошла жаркая волна. Не страсти, а прилив жгучей жалости. К себе, к тому не рожденному, к расколотому миру.

Так мы и замерли, вжавшись друг в друга как в единственную реальность. И только автобус, дробно труся, продолжал вести нас куда-то. Туда, где, зайдясь, в совместном, штилевом оргазме, мы навсегда потеряем друг друга.

Я уперлась лбом в отражение себя в стекле, переживая мучительно-медленное, выносливое движение внутри. В расплавленной сердцевине тискалось и плавилось, растекаясь соком желания по отморозенным венам.

Сколько еще? Сколько...?!

Орган внутри отяжелел, раздался кровотоками. Крепко и жадно я облекла его мышцами - так, ненасытная шлюха, получив в рот, утоляет вековую жажду. Мой гость запульсировал, затрепетал, настойчиво придавливая набухшую точку. Я прикусила губу до боли, размазываясь лицом о стекло, о ту скальпельную реальность, которую добровольно хоронила послезавтра. Но в эту секунду, в этой дикой, отчаянной свя-

зи, будущее взбунтовалось. Могучая, кипучая струя ударила наотмашь, отрезвляя действительностью. Мы выдохнули одновременно. И я ощутила, как что-то щелкает внутри, будто последний замок судьбы захлопнулся.

Мужчина вышел из меня, потом - на остановке. Я не обернулась.

Никогда.

Я легла на операцию. Режущий свет, голос анестезиолога: «Дышите глубже». Я дышала. Вспоминала. Жар, движение автобуса. Жизни. О том, что я украла. Выкрала у судьбы, у болезни, у самой себя.

Они все изумились – врачи, родственники, я сама. Маленькое упрямое чудо. Рожденное в секунду холодного отчаяния. Они что-то говорили о медицинской ошибке, диагнозе, о фантастической ремиссии. Я молчала.

И никогда я не смогу сказать тебе, милая, кто твой отец.

Придумай сказку сама.

Но в этом чуде он стал ценой, которую я так и не заплатила, не узнала и не смогла бы объяснить.

Выстраданную.

Вымоленную.

Украденную у смерти – тебя.

В рабстве шалостей

Она принадлежала к редкому типу женщин — со стальным терпением и хищным хладнокровием, с врождённым даром изящно играть на чужих нервах. Антонина переквалифицировалась из «замшелого» специалиста в мастера психологических трюков. К её услугам прибегали эстеты, знающие толк в искусстве эротических игр.

Вторую неделю профессиональная мучительница изматывала жертву «счастливым» неведением — внезапным нападением. Она неуклонно следовала правилу «шашлыка»: клиент должен быть выдержан, а для особых гурманов — вымочен в собственном соку фобий. Острые приправы она добавляла по своему вкусу, а вкусы её отличались элегантной изощрённостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.